

Владимир Сенчихин

**Прихоть
русского
немца**

Приключенский роман

Владимир Сенчихин

**Прихоть русского немца.
Приключенческий роман**

«Издательские решения»

Сенчихин В.

Прихоть русского немца. Приключенческий роман /
В. Сенчихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835917-0

Сегодня любой турист может спуститься под землю — доступных пещер становится все больше, но плох тот спелеолог, который не мечтает стать первооткрывателем. Это и острое любопытство, и драйв, и неизлечимая тяга к риску. Но как остаться человеком, когда увлекательное приключение превращается в фатальное?

ISBN 978-5-44-835917-0

© Сенчихин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Швецов	6
Куропяткин	12
Ивашенко	22
Глава вторая	29
Змеиный сюрприз	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Прихоть русского немца Приключенческий роман

Владимир Сенчихин

Дизайнер обложки Владимир Васильевич Колычев

© Владимир Сенчихин, 2018

© Владимир Васильевич Колычев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-5917-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Швецов

Роман Швецов уставился в потолок, который менял цвет с завидной последовательностью: красный, желтый, зеленый. Зрелище завораживало своим предсказуемым интервалом. Он долго наблюдал за ним, пока не осознал, что проснулся среди ночи. Светофор. Стоит, зануда, и никуда двигаться не собирается. Островок безопасности и покоя. Забавное зрелище. Роман раньше не обращал на него внимания, поскольку передвигался исключительно днем, а ночью спал без задних ног. Внезапное пробуждение его удивило. Мутное послесловие сна, тягостного и тяжеловесного, подробности которого он забыл в момент пробуждения, его ошеломило. Роман начал натягивать на голову одеяло, пытаясь отгородиться от грядущих неприятностей, но узрел еще один источник красного цвета. Мигал индикатор на обычной с виду шариковой ручке, лежащей на столе. Проспал. Перед тем, как перейти в режим напоминания, устройство издавало звук, похожий на отвратительный звон старого советского будильника. Охранную систему под названием «комар» сработал на заказ Андрей Гугенков по прозвищу Чип, большой спец по конструированию замысловатых охранных приспособлений. Четыре датчика дено и ношно стерегли машину. Один в салоне, второй под капотом, третий – в багажнике, четвертый – под днищем. Незаметной не могла проскользнуть ни одна живая душа. Сбросив одеяло на пол, Швецов встал, вышел на балкон и уставился на «Форд», который смиренно дремал на стоянке под домом. Подле машины никого не было. Но «комар» не мог соврать.

– Может, псина под машину залезла? – засомневался Швецов.

Чем дольше он всматривался в авто, тем крепче утверждался в мысли, что под ней находится человек. Вернувшись в комнату, придавил пальцем мигающую красную кнопку и вернулся на балкон. «Мину пристраивает? – подумал Роман о неизвестном, который, судя по всему, лежал под низкорослым „Фордом“. – Или над тормозами колдует?».

Швецов представил, как садится в машину, заводит двигатель и в этот момент огненный демон, упрятанный в маленькую коробочку, вырывается наружу, разнося на куски поджарый «Форд». Он поехал, видел, во что превращается иномарка после срабатывания адской машинки. Полгода назад на воздух взлетел один из братков по кличке Гвинея. Через полчаса после взрыва Роман проезжал мимо останков Volvo и обратил внимание на длинную бурую змею, неприкаянно болтающуюся на ветке тополя. Притормозив, Швецов с любопытством рассматривал странную рептилию, пока не сообразил, что перед ним вовсе не змея, а внутренности Гвинея. Хоть и говорят, что на миру и смерть красна, Роман не собирался отправляться на небеса в разобранном виде. Это заблуждение, что для усопшего нет никакой разницы, в каком виде его тело будет предано земле. Придумавший динамит Нобель наверняка считал, что облагодетельствовал человечество. Интересно, что бы он сказал, узрев на дереве кишки Гвинея?

Звонить посреди ночи Гугенкову не хотелось, но и тянуть резину не имело смысла: договор предусматривал немедленный выезд к клиенту при срабатывании системы. В противном случае фирма снимала с себя ответственность. Андрей взял трубку, будто и не спал. Выслушав Романа, приказал сидеть дома и ни о чем не переживать.

Минут через сорок дверной звонок издал истошную петушиную песнь. Андрей по-хозяйски прошел на кухню, положил на стол увесистый пакет, обмотанный синей изолентой. Из него торчали длинные тонкие провода.

– Ну и что за хрень? – хмуро поинтересовался Швецов.

– Обычная бомба. Подозреваю, что внутри тринитротолуол или, как говорят в народе, тротил. Он хорош тем, что может лежать под землей десятилетиями, не утрачивая свой потенциал, при этом безопасен, как хозяйственное мыло. Его можно расплавлять, как воск, и заливать куда угодно. Пацаны знают, где можно его добыть – из русских и немецких снарядов времен минувшей войны. А этого добра столько, что можно поднять на воздух районный городок вместе с домами и его обитателями. Для инициации тротила нужен взрыватель, в данном случае он электрический. Его присоединили к замку зажигания. Если бы ты завел двигатель, отправился бы к праотцам. Извини, Рома, но возле тебя нарисовался какой-то крутой перец, которому ты мешаешь спать. И он не успокоится, пока от тебя не избавится. Я в этих делах смыслю. Если клиента не удалось разнести в клочья с помощью обычной взрывчатки, остаются автомат Калашникова или, на худой конец, пистолет ТТ. Встретят на перекрестке, когда ты остановишься на красном светофоре, и напичкают свинцом. Так что подумай, кому перешел дорогу. Вариантов два: либо назначаешь стрелку и договариваешься, либо линяй подальше. Это последний звонок. Моя хитроумная электроника тебя не спасет. Извини, бомбу возьму с собой. Мои ребята с ней разберутся. Ты не первый и не последний. Каждую неделю снимаем такие штуковины. Не кисни.

Гугенков хлопнул Романа по плечу, сгреб со стола взрывную машинку и удалился, осторожно прикрыв за собой дверь. Выключив свет на кухне, Роман прошел в спальню, обессилено рухнул на кровать. В том, что его рано или поздно грохнут, он не сомневался. Какого рожна нарастил объемы продаж? Предупреждал же Карабухин, что это добром не кончится.

Военного летчика первого класса полковника Карабухина выперли из армии после того, как он, наплевав на приказ начальства, не оставил в ГДР эскадрилью «МИГов», а перегнал их в Белоруссию. Списанный в утиль летчик горькую не запил, а, вернувшись в родной Воронеж, организовал частное авиапредприятие. Уже через год он командовал пятью транспортниками Ан-26, присовокупив к ним парочку грузовых Ил-76.

Швецов торговал шмотьем, но от предложения обеспечить нефтяников Тюмени крымским вином, водярой и коньяком не отказался. Лишнего навара не бывает. Поначалу Роман хотел арендовать транспортник местной авиакомпании Sout-Service, но соотечественники заломили такие цены, что пришлось идти на поклон к коммерсантам из ближнего зарубежья. Карабухин оказался мужиком сметливым и оборотистым. Через полтора часа после того, как Роман позвонил ему и рассказал о винно-водочной затее, прислал по факсу договор. Не дожидаясь предоплаты, две двадцать шестые «Аннушки» перетаскали спиртное. Через две недели Карабухин заявился к Швецову в гости, поближе познакомиться, а заодно и обмыть удачную сделку.

Карабухин был ровесником Швецова, но выглядел старше. Твердый испытывающий взгляд. Треугольное пергаментное лицо, заканчивающееся клинообразной бородкой. Высушенное сверхзвуковыми скоростями тело, подвижное, как у ящерицы. Руки жили как бы сами по себе, даже хозяин, видимо, не в силах был за ними уследить. В то же время этот человек вызывал доверие.

Карабухин, усевшись в кресло, тут же предложил окропить удачную сделку.

– Тебе же пить нельзя! – запротестовал Швецов, обратив внимание на глубокие складки, которые от крыльев носа собеседника вольготно опускались к подбородку. Похоже, что у бывшего летуна язва.

Премудростям опознавания заболеваний по выражению лица его обучил приятель, хирург Леша Могилкин, специалист по желудку, толстой кишке и мочевому пузырю. Дилетанты, как правило, не обращают внимания на цвет лица компаньона. А зря.

– Когда у тебя свербит в заднем месте, ты только об этом и думаешь, – поучал Могилкин Романа. – Поверь, в здоровом теле – здоровые мозги. Все в человеке взаимосвязано. Был у меня клиент, бывший комсомолец по фамилии Брызбский, умыкнувший у акционеров неф-

теперегонного завода контрольный пакет акций. Поначалу ему ужас как везло, не знал, куда бабки девать. Жена в благотворительность ударилась, бомжей подкармливала. А через пару лет будто злая тетка нашептала. Грузополучатели, сговорившись, ссылались на временное отсутствие бабок. Должников – прорва, но при этом сплошь бесперспективные: одни – кандидаты в покойники, другие – в арестанты. Кредиты возвращать надо, а свободных средств нет, в деле крутятся. Брызбский пришел ко мне, когда уже вырисовывался крах с последующим усекованием его головы. Выяснилось, что у него печень пошаливала, но к врачам не обращался, надеялся, что само собой рассосется. Я его за две недели на ноги поставил. Когда у него болячка исчезла, то и дела в гору пошли. Он ведь сам себе жизнь портил: с утра на работе только о боли в боку и думал. Вот и полезли ошибки из всех щелей.

Могилкину можно было верить, в узком кругу специалистов его считали непревзойденным знатоком нижней части тела.

– Ясность мышления находится в прямо пропорциональной зависимости от количества шлаков и ядов, скопившихся в толстой кишке, – утверждал Могилкин и советовал Роману чаще пользоваться клизмой.

– Ты станешь легким, как перышко, – увещевал эскулап, – примерно такое же состояние испытывают космонавты на орбите.

Общаться с Могилкиным было интересно, но утомительно, его рассказы о том, как ловко природа организовала дефекацию у собак (каждый кусочек кала упаковывается в эластичную пленку) вызывали позывы рвоты. Но общение с ним не прошло бесследно, Швецов стал обращать внимание на цвет лица собеседника.

– Ты случайно не язвенник? – поинтересовался Роман, уловив на доньшке глаз Карабухина затаенную тоску.

– Угадал, – поморщился тот, извлекая из объемистой сумки всякую всячину: палочку сырокопченой колбасы, пяток апельсинов и баночку зеленых оливок. – Я ее, проклятую, спиртом лечу.

– А не проще ли вырезать?

– У соседки банальный аппендицит удалили. Не знаю, что стряслось, но из больницы она переселилась прямо на кладбище. С нашими коновалами лучше не связываться.

Роман от медицинского спирта отказался, хотя Карабухин уверял, что это наилучшее средство от радиации, СПИДа и импотенции. Опрокинув полбокала коньяку, Швецов впал в меланхолию и печально заметил, что нынешний торговый бизнес – чистой воды садомазохизм. Сидишь голой задницей на сковородке, а газовый вентиль в руках невменяемых отмороzków, причем каждый крутит ручку в свою сторону.

– Неужели все настолько паршиво?

– Универмаг, где я арендую второй этаж, братья Медведевы и Бош никак поделить не могут. Рвут друг друга на части с переменным успехом.

– Бош? – удивился Карабухин. – Немец что ли?

– Чистой воды хохол по фамилии Яковенко. У наших бандитов в ходу электрические утюги и паяльники. А этот урод использует немецкую аккумуляторную электропилу. Когда такая штука начинает жужжать над яйцами самого крутого мужика, тот ради спасения своих причиндалов готов пойти на любые уступки. Может, мне пора ноги из универмага уносить?

– А есть куда?

– Припозднился, все хлебные места заняты. Если на окраину города переберусь, где аренда стоит копейки, то и прибыли будет с гулькин нос.

Неожиданно дверь отворилась, в кабинет заглянула секретарша Аня.

– Я дико извиняюсь, Роман Семеныч, у вас конфиденция, а тут Карабухина к трубке просят. Из Воронежа.

Швецов поморщился. Всем хороша Анята, фигуристая и личиком смазлива, но как рот откроет, хоть уши затыкай: обязательно что-нибудь сморозит. А с другой стороны, у кого в этом проклятом городе хорошим манерам учиться?

Карабухин, выслушал собеседника, помрачнел и положил трубку.

– Ехать надо, Рома. «Ил» в Иркутске арестовали. Якобы один из движков левый.

Временами Романа одолевали сомнения, правильно ли он поступил, вложив деньги в собственное дело. Два года назад они с Соловьевым по протекции его тети взяли в банке кредит, якобы для строительства частных домов. Скинувшись, прикупили на металлургическом комбинате под видом металлолома легированную листовую сталь и сбыли ее одесситам. Ребята там подобрались серьезные, расплачивались наличными. Правда, пришлось ехать за деньгами в Одессу.

Такой внушительной кучи баксов Швецов и Соловьев раньше не видели. Когда Роман мысленно пытался перевести их в карбованцы, перед глазами, подобно бильярдным шарам, прыгали и разбегались в разные стороны нули, вышибая искры при столкновении. Роман положил две пачки валюты в боковой карман куртки. Они прожигали кожу и норовили провалиться прямо в печень. Ему казалось, что все люди смотрят на него с подозрением и завистью. У человека как-никак в кармане двадцать тысяч долларов! Каждый встречный милиционер вгонял Романа в пот. «Вот возьмут, да и обыщут! Года по три, как минимум впаяют», – думал он. Утешало только то, что Украина стала независимой и граждане, преступившие закон, могли не волноваться насчет Колымы, Магадана и лесоповала. Соловьев и Швецов вначале поехали в аэропорт, но по пути передумали, попросили таксиста отвезти на железнодорожный вокзал. Вернувшись, Роман вплотную занялся созданием собственной фирмы.

– Глаза страшат, а руки делают, – объяснил приятелю.

– Смотри, как бы тебе их с корнем не оторвали, – отозвался Соловьев. – После Одессы у меня нервы расшалились. Понимаешь, не мое это дело – торговля. Не привык я государство обдуривать.

– Подумаешь, чистоплюй выискался, – обиделся Роман. – С чего ты решил, что я химичить собираюсь?

– А по-другому у тебя не получится. Но я в кустах отсиживаться не собираюсь. Если возьмешь к себе замом по маркетингу, не откажусь. Если тебя посадят, будет кому передачи носить.

Как и предсказал Соловьев, все сделки новоиспеченного фирмача плохо состыковывались с законом. А контракт с немецкой фирмой на поставку в Украину минеральных удобрений тянул лет на десять строгого режима, потому что разрешение на их применение так и не было получено, хотя киевские компаньоны заверяли, что у них в Минсельхозе все схвачено. Между тем под видом удобрений границу пересекли отходы химического производства. Швецов узнал об этом слишком поздно. Мысль о том, что фрицы спихнули в Украину кучу дряни, не давала покоя. Тюрьмы он не боялся, потому что поймать его за руку уже никто не мог – удобрения были использованы, на полях, по слухам, даже что-то возшло. Но если бы об этой сделке пронохали милиция или налоговики, пришлось бы потратить кучу денег, чтобы откупиться.

Оставив «Форд» на служебной стоянке, Роман поднялся на второй этаж универсама и вошел в приемную. Анята выронила пирожное и уставилась на него, будто узрела Змея Горыныча о трех головах.

– В чем дело? – рявкнул Швецов.

– У вас такой вид, будто с похорон вернулись, – потупившись, выдавила из себя девушка. – И веко дергается. У меня есть «Карвалол».

– Засунь его, сама знаешь куда, – оскорбился Швецов. – И не соединяй меня ни с кем.

Зайдя в кабинет, рухнул в кресло, начал рассеянно рассматривать лежащие на столе бумаги, не вникая в их содержание.

– Сегодня не грохнут, – отстраненно подумал он. – А вот завтра, когда выяснится, что бомба не сработала, начнется охота. Гугенков прав. Надо продавать фирму. Коршуны слетятся мгновенно. Если удастся выручить полцены – уже хорошо. Кто заказал? Вроде исправно отстегивал «крыше», правда так и не смог понять, под кем она числилась – под «медведями» или Бошем. Собственно говоря, без разницы, платит дань, да и ладно. А кому, дело десятое. Лишь бы не трогали.

Сам Швецов этим не отягощался, свалив сей изысканный груз на плечи Соловьева. А теперь выяснилось, что зря. Дима, видимо, что-то не учел, где-то дал промашку. Но отвечать за косяк придется ему, хозяину фирмы. Обидно, конечно, спускать нажитое с молотка, но другого выхода нет. Только вот кому? Лучший выход – тому, кто подложил бомбу под его иномарку. Но как на него выйти? Можно ведь и облажаться. Ой, а с какой стати он так напрягся? Есть же осведомленный человечек. Вспомнив Лося, командующего в универмаге охранниками фирмы «Барс», Роман улыбнулся. Глядя на здоровенную ряшку начальника «барсов», Швецов иногда сомневался, способен ли тот вообще на какие-либо чувства. Леша имел прозвище Лось, был ростом невелик, но в плечах широк и кулаком, вероятно, мог бы проломить дубовую дверь. Аня считала, что Лось постоянно озабочен только двумя проблемами – что бы вкусненькое пожарить и с кем бы переспать на халяву. На самом деле начальник охраны был себе на уме. Роман подозревал, что он работает одновременно на два фронта: на ментов и на бандитов.

– Для начала устрой шухер, – решил Швецов и нажал на кнопку селектора. – Аня, немедленно свяжись с Алексеем и сообщи, что кто-то пытается залезть под мою машину.

Минут через десять Роман выглянул в окно. Возле «Форда» растеряно топтались охранники. Эти стриженные мордвороты, конечно, могли любого мужика в бараний рог согнуть, но под пули не пойдут.

– Шеф, вроде все чисто, – раздался в портативной радиостанции бодрый голос Лося.

– Хорошо посмотрели?

– Не о чем беспокоится.

– Козел, – мысленно выругался Швецов, – если бы речь шла о твоей жизни, ты бы «Форд» по винтикам разобрал. – Пора избавиться от этой американской железяки. Спрашивается, зачем столько бабок в нее вбухал? Сто пятьдесят миль в час. У нас на такой скорости только по аэродрому скакать можно.

Роман тяжело вздохнул, сел в кресло, обхватив голову руками, стал медленно раскачиваться. Он всегда так делал, чтобы успокоиться. Ему захотелось стать маленьким и незаметным. Выползти мышонком на улицу, залезть в какой-нибудь колодец связи и тихонько грызть пластмассовую изоляцию телефонного кабеля. Его школьный знакомый, работающий связистом на железнодорожной станции, рассказал, что крысы жрут все подряд, перегрызают даже оболочку бронированного силового кабеля.

– Подонок! – обругал Швецов неизвестного минера. – Будь моя воля, усадил бы тебя на бомбу, да так, чтобы взрыватель сработал, как только пошевелинешься. Ты бы ее неделю высиживал, не жравши и не спавши, а потом я бы тебя отпустил на все четыре стороны, чтобы ты всю поганую жизнь вспоминал об этом.

– Аня, вызови Лося.

В дверь постучали.

– Входи, дорогой, – искренне обрадовался Швецов, увидев Лося, протискивающего бочком в дверной проем.

Камуфляжная армейская форма на главе «Барсов» сидела мешковато. Он был упитан и напоминал бочонок, к которому прилепили нескладную рыжую коротко стриженую голову.

– Ты, случайно, не пил сегодня? – осведомился Швецов.

– Я на службе, Рома, – сухо ответил Лось и обиженно поджал губы.

Вопрос ему явно не понравился. По универмагу ходили слухи, будто Лось свой рабочий день без бутылки не начинает, но Швецов его пьяным ни разу не видел.

– Вот и замечательно, – развеселился Роман. – После восемнадцати часов отгонишь «Форд» в гараж. А то я разволновался и пару рюмок коньяку жажнул. Лады?

На широком, как сковородка, лице охранника проступили красные пятна.

– Ты мне не доверяешь, Рома?

– С чего ты взял?

– Я же сказал, с тачкой все в порядке. Ложная тревога.

– Я тебе верю, Леша. Так мы договорились? А ключи у Аннушки заберешь. И еще одно. Выясни, кто меня заказал. Только не надо рожу пучить. Я хочу перетереть проблему, а не шмалять из автомата.

Когда побледневший Лось покинул кабинет, Швецов от души расхохотался.

Напряжение отступило. Его смущало, что за последний месяц объемы продаж сократились на десять процентов. Надо хорошенько разобраться, почему народ потерял охоту к походам за шмотками. Инфляция вроде ни при чем, не лоханулись ли с номенклатурой товаров? Однако разобраться с пикирующей торговлей ему так и не удалось.

– Из Клоппенбурга звонят, – раздался в селекторе возмущенный голос Анюты. – Такой наглый, сил нет. Говорит, что вы его хорошо знаете, просит соединить.

– Он хотя бы представился? – раздраженно поинтересовался Роман.

– Сказал, Крабом зовут.

Куропяткин

Сергей Куропяткин любил субботу. В этот день можно было хорошенько выспаться и встать часиков в десять, когда пятилетняя дочка Катюша, уставшая от тишины и ничегонеделанья, с криком «Банзай!» запрыгнет в кровать к родителям, проскользнув ужом между ними, начнет щекотать маму. Марина смертельно боится щекотки, взвизгнув, пулей вылетает из кровати. Сергей страшно рычит и тигром набрасывается на дочку, которая со счастливым ужасом закрывает глаза, готовясь принять мученическую смерть в лапах разъяренного зверя. Сергей зарывается лицом в ее пушистые волосы, слегка прикасается пальцами к розовой пятке дочки. Катюша тоже боится щекотки, судорожно дрыгнув ногами, она спрыгивает с кровати и бежит в ванную, где мама, почистив зубы, придирчиво вглядывается в зеркало, дабы убедиться, что она по-прежнему хороша и привлекательна.

Сергей встает с кровати, запахивается в любимый черный халат, подойдя к окну, раздвигает шторы. Квартира Куропяткиных расположена на верхнем этаже двенадцатиэтажного дома, который местные жители называют «небоскребом». Когда небо безоблачно, ослепительная синева мгновенно заполняет самые дальние уголки спальни, многократно отражаясь от лакированных стенок платяного шкафа. Сергей открывает двери и выходит на балкон, прихватив с собой пачку «Примы». Сигареты с фильтром он не курит – слишком слабые. Первая затяжка обволакивает мозг сладким туманом. Что ни говори, отечественный табак без всякой химии до костей продирает. После пяти затяжек Сергей тушит окурки в консервной банке, наклонившись, с удовлетворением рассматривает свой «Запорожец». Раритет, на котором Куропяткин колесит по городу – объект бесконечных шуток, даже Марина без обиняков называет машину уродцем. Она давно просит Сергея избавиться от консервной банки и наотрез отказывается в ней ездить. Сергей к «горбатуму» относится с философским спокойствием, поскольку денег на покупку приличного автомобиля все равно нет. И хоть на трассе из авто больше семидесяти километров выжать невозможно, для поездок на дачу или в лес за грибами оно вполне годится.

Затем Сергей отправляется на кухню, где вкусно пахнет поджаренными гренками и кофе, который жена умудряется варить из тех отходов, которыми зарубежные производители пичкают Украину. Марина намазывает на золотистые ломтики сливочное масло и отгоняет от стола Катюшу, которая пытается стащить с тарелки куснятину. Дочке нельзя есть много мучного, она и так пухленькая, но традиционная утренняя манка давно вызывает у малышки отвращение. Сергей укоризненно качает головой и спрашивает дочку: «А где же наша почта?». Девочка, вспомнив о своей субботней обязанности, комично хлопает себя ладошкой по лбу и восклицает: «Прости, папочка, я совсем забыла». Она берет в прихожей ключ от почтового ящика и спускается на лифте на первый этаж.

Сергей работает редактором отдела «Право» в газете «Наши ведомости» и выписывает не только местную прессу, но и несколько центральных изданий. И хотя Куропяткин знает, о чем пишет его родная газета, во время завтрака первыми читает «Ведомости». Ему нравятся уютные колонки новостей, броские заголовки и запах свежей типографской краски. «Ведомости» отличаются от прочих изданий не только сногшибательным содержанием, но и современной версткой – интересный материал сразу бросается в глаза, а фотографии не столько иллюстрируют, сколько обогащают и дополняют материал.

Однако суббота не задалась. Марина уже поставила перед ним чашечку кофе и поближе пододвинула тарелку с гренками. Сергей взял в одну руку любимые «Ведомости», а в другую соблазнительно пахнущий ломтик хлеба, когда громко и противно зазвонил телефон. Сергей и сам не смог бы объяснить, почему этот вполне обычный звонок вызвал тревогу.

– Алло, слушаю вас, – Куропяткин все еще надеялся, что его беспокойство совершенно беспочвенно.

– Это Сергей Филимонович? – раздался в трубке враждебный мужской голос, показавшийся Куропяткину знакомым.

– Я вас слушаю, – сухо повторил Сергей.

– Это вас усопший Лепихов беспокоит, – раздраженно рывкнула трубка.

Куропяткин узнал голос начальника уголовного розыска областного управления милиции Андрея Лепихова.

– Это вы, Андрей Виленович?

– А кто же еще? – заорал Лепихов. – Ты что, решил меня похоронить? Не дожدهшься!

– Я вас не понимаю, Андрей Виленович, – упавшим голосом произнес Куропяткин.

– Он не понимает! – начальник угро, судя по всему, готов был разорвать журналиста на части. – Да ты свою паршивую газетенку хоть иногда читаешь?

– А в чем дело, Андрей Виленович?

В трубке раздалась короткая гудка. Куропяткин осторожно развернул газету и стал медленно, по буквам, читать свою статью. Когда дошел до строчки «на могиле покойного начальника угро области Андрея Лепихова», не поверил глазам. Неужели он действительно так лопухнулся? Куда смотрели литературный редактор и дежурный по номеру?

– Что случилось? – встревожилась Марина.

Куропяткин положил перед супругой газету, ткнул пальцем в нужное место. Марина пробежала текст и непонимающе уставилась на Куропяткина.

– Я не мог такую чушь написать! – взорвался Сергей. – Сейчас же поеду в редакцию и найду авторский вариант.

К немалому удивлению Куропяткина, «Запорожец» завелся с пол-оборота. Такое случилось крайне редко. Прогрев двигатель, Сергей включил первую передачу и выжал полный газ. Дежуривший на первом этаже здания охранник долго и недоуменно рассматривал удостоверение Куропяткина, хотя в появлении журналиста ничего удивительного не было – сотрудники редакции довольно часто приходили сюда в выходные дни. Сергей одним махом преодолел лестничный проем, вихрем промчался по коридору. Открыв дверь в свой отдел, врубил компьютер. В изнеможении плюхнулся в кресло. Пока машина загружалась, размышлял, кто напортачил. Уволюсь, если моя вина, размышлял он. Нельзя так подставлять человека, который тебе доверился. Дрожащей рукой Куропяткин щелкнул «мышкой» по кнопке «Пуск» вошел в «Проводник» и открыл нужный файл. Когда на экране появилось злополучная статья, Сергей, затаив дыхание, впился глазами в текст. От волнения на лбу выступили капельки пота. Так и есть! В тексте черным по белому было написано: «На могиле покойного отца начальника угро области Андрея Лепихова». Уже легче. Оставалось только выяснить, какой гад убрал папашу Лепихова из статьи. Куропяткин набрал номер Топорковой. Она в этот день была дежурным редактором и вполне могла подправить Куропяткина.

– Викуля, как отдыхается? – Сергей старался говорить как можно спокойнее, хотя ему ужасно хотелось брякнуть какую-нибудь гадость.

– Сереж, что-то стряслось?

– С чего ты взяла?

– Сколько тебя знаю, моим досугом ты никогда не интересовался.

Куропяткин процитировал ей злополучную фразу. Вика долго молчала, а потом категорически заявила, что никакого отца из текста не выкидывала.

– Я что, дура по-твоему? – обиделась она. – Наверное, литредакторша учудила. Ты лучше иди домой. Книжку какую-нибудь хорошую почитай. А я свяжусь с главным редактором и все ему объясню. Думаю, в понедельник все утрясется. Лады?

Куропяткин в раздражении бросил телефонную трубку, полез в карман за сигаретами. Курить в отделе строжайше запрещалось, но в субботу в редакции ни души, так что поход в курилку отменяется. Может, зря он так нервничает?

С Лепиховым Сергей познакомился благодаря генералу Атаманову. Год назад тот отчитывался на сессии облсовета о борьбе с оргпреступностью. Соловьем заливался. Мол, количество заказных убийств, по сравнению с прошлым годом, сократилось на пять процентов, а раскрываемость преступлений улучшилась на семь. Славные воины правопорядка изъяли у преступников гору оружия и боеприпасов. Послушать генерала, так в области и авторитетов не осталось, мелочевка какая-то честным людям жить мешает. Между тем на прошлой неделе из «калаша» расстреляли депутата горсовета по кличке Буба. Куропяткин, конечно, не расстроился, узнав об этом. Весь город знал, что покойный депутат был компаньоном Константина Цыганкова по кличке Циклоп.

До того, как Союз отправился в тартарары, Цыганков занимался вольной борьбой. Дважды становился чемпионом СССР. Однажды Константину не повезло – соперник во время поединка выдавил ему глаз. После травмы Цыганков стал носить черную повязку, которую никогда не снимал. Сколько друзья ни уговаривали вставить искусственный глаз, не соглашался. «Я не робот, – злился он, – не собираюсь поганую стекляшку по ночам в стакане возле тумбочки держать». После травмы перешел на тренерскую работу, занимался с ребятами до шестнадцати лет. Скоро у него появилось много хороших и нужных знакомых, чиновники, какие бы посты ни занимали, тоже люди, и хотят, чтобы их сыновья росли настоящими мужиками, способными при случае и по зубам обидчику заехать.

Мальчишки души не чаяли в Цыганкове. К работе он относился творчески, его питомцы часто занимали призовые места на всевозможных соревнованиях. Один из них, коренастый и ловкий Семен Диомидов по кличке Клещ, поступил в университет на кафедру физвоспитания, но часто захаживал в тренировочный зал, где обосновался учитель. Клещ и предложил наставнику создать благотворительный спортивный фонд, выбить для него льготы и развернуть торговлю импортным пойлом, чтобы талантливые ребята могли бесплатно тренироваться и ездить на соревнования. Клещ предложил назвать фонд «Ариадной».

Идея Цыганкову понравилась, однако название вызвало у него недоумение. «Если у твоей бабы такое дурацкое имя, то это ее проблема», – заявил Циклоп. Обиженный Клещ объяснил, что речь идет о греческой богине, которая спасла классного мужика Тесея от зубов мерзавца Минотавра, жившего в лабиринте на острове Крит. Легенда Тихомирову пришлась по душе, он слыл человеком сентиментальным. «Ариадна, конечно, хорошая девка, но мы назовем фонд „Минотавром“, – хлопнул ладонью по столу Циклоп. – Чтобы нас боялись».

Эту историю Куропяткину рассказал сам Диомидов, хотя мог и прихвастнуть. Сергей познакомился с ним, когда заочно учился в университете и работал в «Наших ведомостях». Ему поручили написать небольшую статью о Диомидове, который к тому времени стал вице-президентом «Минотавра» и являлся правой рукой Цыганкова. После выхода статьи Клещ позвонил, сказал, что у Сергея шустрое перо, публикация даже Циклопу понравилась, который вообще-то газеты не читает. Когда в город хлынул импортный ширпотреб, а улицы заполнили подержанные иномарки, начальство «Минотавра» взялось за реорганизацию фонда. Разжирев на шальных деньгах от водки, тот явно утратил связь с действительностью и пропустил вперед более шустрых конкурентов, нагло взимающих дань с частных торгашей и владельцев увеселительных заведений. Циклопа задавила не жаба, а жалоба одного из компаньонов, реализующего спиртное «Минотавра».

– Эти мерзавцы совсем обнаглели. Представляешь, пришли в мой киоск и потребовали отстегивать им десять процентов от выручки. Константин Васильевич, примите меры.

Цыганков удивился, но не подал вида. Пообещал разобраться. Из торговли срочно отозвали пятнадцать охранников, из которых склотили три пятерки. Отбор кандидатов в бое-

вое ядро производился по принципу: поменьше извилин в мозгу и больше люто́сти. После потери трех бойцов выяснилось, что во главе пятерок нужно ставить отморожков, которые дружат с головой хотя бы на уровне десятого класса средней школы. Этим и занялся Диомидов. Поскольку вошедшие во вкус иноверные рэкетеры на предложение поделить город подброду поздорову ответили категорическим отказом, пришлось вразумлять их силой. Переломанными конечностями и пробитыми черепами не обошлось. «Минотавр» торжественно похоронил еще трех ратников, супостаты, понесшие куда большие потери, сдаваться, однако, не собирались. Стрельба и поминки случались с завидной регулярностью.

Во время перерыва Куропяткин подошел к Атаманову. Генерал, узрев журналиста, радостно осклабился и произнес, протягивая руку: «Завтра, надо полагать, опять в „Ведомостях“ меня укусите?».

Сравнение с собакой Куропяткина покорило, но ставить генерала на место было не в его интересах. Стоявший рядом журналист газеты «Глас народа» Гарик Микулин подобострастно хихикнул. В народе издание именовали «Поносом», потому что оно в каждом номере публиковало доклад или очередное интервью председателя облсовета. Журналисты «Ведомостей» и «Поноса» терпеть не могли друг друга. Первые считали вторых откровенными угодниками, а вторые первых – наглыми борзописцами.

– Постараемся, Сергей Викторович, – дерзко пообещал Куропяткин.

– А хотите поучаствовать в задержании преступника? – неожиданно предложил Атаманов.

– Шутите, Сергей Викторович, – оживился Гарик, – кого брать будем?

– Или вы только критиковать мастера?

Генерал никак не отреагировал на реплику Микулина. Смотрел на Куропяткина в упор, хитро прищурившись, нельзя было понять, шутит главный мент области или говорит всерьез.

– Вы с Лепиховым знакомы? – поинтересовался генерал. Не дожидаясь ответа, добавил:

– Позвоните ему завтра, сошлитесь на меня. Телефон приемной вам известен.

Атаманов направился к выходу. По пути его попыталась перехватить журналистка «ТВ-Профи» Алина Мухина, но генерал ловко увернулся от направленного ему в рот микрофона и удалился. Рыжеволосая и длинноногая Алина, которую иначе как Мухой не называли, подскочила к Куропяткину.

– Что он тебе сказал?

– Для тебя ничего интересного, – отрезал Куропяткин.

Про себя он называл Муху полупроводником. Эта рыжая дамочка считала себя классной журналисткой и звездой телеэкрана, требовала от коллег, чтобы они незамедлительно делились с нею новостями, хотя сама утаивала информацию, причем даже в том случае, когда ей самой это было невыгодно.

– Главный мент пригласил Сержа на задержание особо опасного преступника, – проинформировал Муху Гарик.

– Ни фиги себе! – поразила Муха.

Круто развернувшись, подбежала к своему оператору, начала что-то взволнованно ему объяснять. Тот послушно кивал и с интересом посматривал на Сергея.

– Вот поганка! – обозвал про себя Гарика Куропяткин. – Сейчас Муха полетит к председателю комитета облсовета по работе с правоохранительными органами, начнет жужжать, дескать, менты ущемляют независимую прессу. А у того давно при виде Мухи слюнки текут.

Опасения Куропяткина сбылись самым гнусным образом. Когда утром позвонил Лепихову, полковник заявил, что журналисты его достали, и повесил трубку. Сергей перезвонил

главе пресс-центра областной милиции Нине Павловне, объяснил ей ситуацию. Худая и некрасивая, эта женщина пережила трех начальников, каждый из которых, вступив в должность, первым делом вместе с мебелью в приемной избавлялся от руководителя информационной службы, однако через пару месяцев все возвращалось на круги своя. Нина Павловна явно знала какую-то тайну, о которой не ведали более молодые и грудастые соперницы, потому и дослушалась до полковника. Выслушав журналиста, Нина Павловна попросила немного подождать. Куропяткин слышал, как она с кем-то говорила по внутреннему телефону. «Вы можете через двадцать минут к управлению подъехать?» – спросила она. «Смогу», – заверил Сергей.

Проверив, лежат ли в сумке диктофон и фотоаппарат, Куропяткин вылетел на улицу. К счастью, редакционная «девятка» стояла у входа. С ее водителем Сергей намотал не одну тысячу километров по области. «Олежек! Одно колесо здесь – другое в управлении милиции на Толстого», – взволнованно произнес Сергей, усаживаясь в машину.

– Мокруха? – деловито осведомился Олег.

– Если повезет, увижу, как менты настоящего бандита ловят.

«Девятка», взвизгнув шинами, сорвалась с места и устремилась в центр города, где располагалось областное управление МВД. Наблюдая, как ловко и непринужденно Олег управляет автомобилем, Сергей подумал, что ему такие лихие гонки не по зубам, даже если когда-нибудь переседет с тихоходного «запорожца» на иномарку, так и будет плестись по городу, соблюдая положенную дистанцию и ПДД. Правильно однажды сказала Марина: «Наглости в тебе не хватает, Пяткин, а без нее акула пера все равно, что птица без перьев». Жена работала режиссером на областном телевидении, но после рождения Катюши о любимом ремесле ей пришлось забыть, дочка часто болела и супруги решили, что нанимать няню, как им советовали знакомые, глупо и недальновидно. Вместо того чтобы отдавать ненаглядное чадо в чужие руки, разумнее взять на пару лет отпуск по уходу за ребенком.

Тогда они не сомневались, что поступили правильно, но когда дочурка окрепла и пришла пора отдавать ее в садик, телевизионное начальство предложило Марине незавидную должность литературного редактора. По сути, это был щелчок по носу, новый руководитель городской телерадиокомпании, который когда-то работал инструктором в идеологическом отделе обкома партии и бдительно следил, чтобы в прессе не появилось ничего предосудительного, дал ей понять, что в ее услугах не нуждается. Сергей жене сочувствовал, однако полагал, что зря она так расстраивается, на телевидении свет клином не сошелся, за последние два года появилось пять новых газет, никто не мешает Марине заняться печатной журналистикой. Когда заикнулся об этом, жена едва не съела его с потрохами.

– Это для тебя телевизор – обычный ящик, возле которого можно валяться на диване, ковыряясь в носу и жуя бутерброды, – негодовала она, сверкая потемневшими от злости глазами и размахивая перед ним острыми кулачками. – Ты понятия не имеешь, сколько людей создают десятиминутный блок новостей, какими потом и кровью добывается трехминутный сюжет. Тебе хорошо говорить, сел за комп, накатал статью, а весь оставшийся день ласы точишь, обхаживая смазливых журналисток, которые в слове «корова» делают две орфографические ошибки.

Марина намекала на Оксану. Пару месяцев назад устроилась в «Ведомости» разбитная фифочка. Сергея попросили взять над нею шефство, чему он втайне порадовался: на эту изящную длинноволосую симпатичную девушку с наивными агатовыми глазами плотоядно поглядывали почти все мужчины газеты, за исключением главного редактора. Сергей подозревал, что шеф был бы тоже не прочь приударить за Оксаной, однако опасался гнева супруги, работающей в «Ведомостях» главбухом.

О том, что в его отделе появилась новая сотрудница, Куропяткин жену не известил. Оксана приехала из Узбекистана, где после тысяча девятьсот девяносто первого года на русский язык и славян начались гонения. До переезда в Украину она компьютер и в глаза

не видела, а потому писала по старинке – шариковой ручкой. С грамотешкой у нее было не очень, однако на ошибки закрывали глаза: Оксана имела собственный изящный стиль, а наборщица и корректор быстро доводили текст до ума, так что на стол главного редактора статья попадала в отшлифованном виде.

Поздно вечером в пятницу Оксана дописала статью о молодой женщине, заказавшей убийство мужа родному брату. Чтобы статья вышла во вторник, Куропяткин прихватил рукопись домой на выходные, намереваясь поправить ее на компьютере. Он начал набирать статью, однако закончить не успел, дочка попросила отремонтировать любимую куклу, у которой оторвались руки. Пока он, ругая китайских производителей, возился с куклой, в соседней комнате раздался истерический хохот. Недоуменно переглянувшись с Катюшей, Сергей поспешил к жене. Марина сидела за его столом, изнемогая от смеха, читала рукопись.

– Пяткин, – осведомилась она, – где ты раскопал это чудище?

Брать, будто статью прислали по почте, не имело смысла: педантичная Оксана в ее начале указала название и свои данные. Марина могла взять любой номер «Ведомостей» и убедиться, что Оксана Коржавина не только является штатным сотрудником редакции, но еще и работает в отделе «Право».

– А что, собственно, тебя так рассмешило? – обиделся за подопечную Сергей.

Марина в минуты благодушия произносила его фамилию в укороченном виде, но если раньше он на это никак не реагировал, пропуская куций вариант мимо ушей, сегодня фривольное обращение почему-то задело.

– И перестань называть меня Пяткиным. В конце концов, это не смешно.

Брови Марины изумленно поползли вверх.

– Знаешь что, – жена сделала многозначительную паузу. – Я не виновата, что у твоего папаши такая занятная фамилия. И не придирайся к словам. Какая муха тебя укусила? – Марина с демонстративной небрежностью перелистала злополучную рукопись, в упор взглянула на мужа. – Может, не муха вовсе, а змея? Есть такие пресмыкающиеся, которым плохо, когда другим хорошо.

– Между нами ничего не было, – пошел на попятную Сергей. – Я не виноват, что Оксана в мой отдел попала.

– Нью-ню, – насмешливо протянула Марина. – Только учти, Куропяткин, служебные романы до добра не доводят.

Трудно сказать, повлиял ли неприятный разговор с женой или обидел прагматизм Оксаны, которая, нащупав слабинку в начальстве, начала клепать откровенно сырые статьи, рассчитывая, что Куропяткин будет их переписывать, но через пару недель его отношения с подчиненной совсем разладились, девушка запросилась в другой отдел. Кроме того, в городе открылся новый коммерческий телеканал, куда Марину пригласили заместителем гендиректора, она, дорвавшись до любимого дела, отпустила вожжи: перестала доставать мужа профилактическими беседами и перлюстрировать лежащие на его столе бумаги. Однако про Оксану не забывала и при случае с сарказмом вспоминала безграмотную «корову».

Занятый мыслями о жене, Куропяткин рассеянно смотрел на дорогу, когда навстречу «девятке» неожиданно выскочил черный BMW. Аварии удалось избежать, Олег резко крутанул руль вправо. «Девятка», подпрыгнув, вылетела на тротуар, едва не сбив двух зазевавшихся девчонок, которые с визгом разлетелись в разные стороны. Мотор заглох, в салоне стало так тихо, что Сергею показалось, будто прохожие слышат учащенное биение его сердца. Он тупо взирал на толстый ствол клена, в который почти уперся бампер легковушки. Олег, взглянув в зеркало заднего вида, испуганно выпалил: «Уроды! Сюда идут». Куропяткин оглянулся. К «девятке» неторопливо приближались трое плечистых парней.

– Мы правила нарушили? – поинтересовался Сергей.

– Они сплошную пересекли, – пояснил Олег. – Считают, что им все должны уступать дорогу. Сиди, я сейчас.

Он вышел из автомобиля и направился к незнакомцам. Идущий впереди тип, на груди которого красовалась увесистая золотая цепочка с распятием, скривившись, пробасил: «Ну что, урод, в штаны наложил?». Его спутники, взяв Олега в кольцо, переминались с ноги на ногу.

– Это еще нужно разобраться, кто и куда наложил, – невозмутимо ответил Олег.

– Ты на кого бочку катишь? – развеселился мордovorот с распятием на груди. – Сейчас увидим, какой ты крутой.

Он кивнул стоявшему справа напарнику, который, судя по косому шраму на переносице, занимался боксом.

Мысли в голове Куропяткина заметались, подобно стае голубей, на которых внезапно набросился свирепый бездомный барбос. Если смалодушничаю, как Олегу в глаза посмотрю? Трясущимися руками он начал шарить в сумке, презирая себя за предательскую слабость, наконец, нащупал небольшой прямоугольник из плотного картона с ярко-золотистой надписью: «Семен Диомидов. Вице-президент БФ «Минотавр». Холодея от собственной решимости, Куропяткин распахнул дверцу машины и приблизился к качкам.

– Кто бригадир? – спросил он.

Парень с распятием на груди нехотя повернулся в его сторону и ощупал тяжелым мутным взглядом.

– Чего надо?

Сергей показал ему визитку.

Тот недоуменно уставился на шафранную надпись. По мере того, как информация преодолевала темные закоулки его недалекого ума, он уменьшался в размерах, как проткнутый шилом футбольный мяч.

– А теперь валите отсюда, – мрачно посоветовал Куропяткин и добавил, обращаясь к Олегу:

– Поехали.

Водитель с готовностью поспешил к машине. «Девятка» так резво дала задний ход, что братки еле успели отпрыгнуть на тротуар. До самого управления милиции Олег молчал, когда они остановились у трехэтажного здания, возле которого были припаркованы автомобили с милицейскими номерами, спросил:

– Ну, ты, Серый, даешь. Что ты им показал?

– Визитку одного авторитета. Поезжай в редакцию, назад сам доберусь.

Начальница пресс-центра, выслушав душещипательный рассказ журналиста о причине его опоздания, сочувственно изрекла:

– Житья не стало от этих уродов, куда только милиция смотрит.

Сообразив, что сморозила глупость, улыбнулась и сказала:

– Сейчас посмотрю, на месте ли Лепихов.

Нина Павловна отсутствовала недолго. Вернувшись, хитро подмигнула и пояснила:

– Времени у него, как всегда в обрез, но поговорить с вами согласился. Кабинет номер шесть.

Лепихов сидел за столом и по телефону распекал подчиненного.

– Ты своей жене басни рассказывай, – сузив раскосые глаза, доставшиеся, вероятно, от кривоногих потомков Чингисхана, басил в трубку Андрей Виленович. – С каких это пор стал таким законником? Реляцию прокурора ему, бляха муха, подавай. Имей в виду, если не заарканишь Хавича, я тебе такую красивую реляцию выпишу, что мозги мигом прочистятся.

Он жестом указал журналисту на стул, продолжая допытываться у собеседника, почему тот отпустил какого-то Хавича. Сергей с любопытством разглядывал начальника угро, с которым раньше встречался только на брифингах. Судя по всему, Андрей Виленович относился

к пишушей братии примерно так же, как командировочный люд к тараканам и клопам. На брифингах Лепихов обычно сухо зачитывал официальное сообщение, после чего удалялся, не обращая внимания на уточняющие вопросы журналистов.

Лепихов милицейскую форму принципиально не носил, отдавая предпочтение отечественным неказистым костюмам. Был он костист, длиннорук и неулыбчив, за что и получил язвительное прозвище Орангутанг.

Закончив разговор, Лепихов бросил трубку, устало произнес, обращаясь к Куропяткину.

– Читаю ваши статьи, хлестко излагаете, хотя по отношению к нам иногда перегибаете палку. Не подумайте, что честь мундира защищаю. Что греха таить, мусора у нас в исконно смысле этого слова предостаточно, только не всегда его выгребать позволяют. Вы вот и меня Орангутангом прозвали, – сменил тему Лепихов и испытующе уставился на Куропяткина.

Журналист, смешавшись, покраснел, будто сам придумал оскорбительную кличку.

– Я не в обиде. В переводе с одного из африканских языков орангутанг означает «человек из джунглей». Пишущая братия на меня дуется: общаться не желаю. Доверие – штука тонкая, его заслужить надо. Пару лет назад один из ваших, не буду называть имя, пообещал выдать в эфир строго дозированную информацию, а вместо этого растрезвонил о том, о чем ни в коем случае не должны были знать преступники. В результате погиб наш сотрудник, кстати, отец двоих детей. Если не ошибаюсь, это вы однажды написали о Звере хвалебный очерк?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Куропяткин, начавший привыкать к внезапным поворотам беседы, не сразу понял, о ком идет речь.

– Зверь? Кто такой?

– Вы его хорошо знаете, – усмехнулся Андрей Виленович. – Я имею в виду Семена Диомидова. Пойдемте, схемку покажу.

Встав с кресла, Лепихов жестом пригласил журналиста в соседнюю комнату. Куропяткин вошел вслед за начальником угро в помещение, не имевшее не только окон, но и мебели, за исключением куцега стола, на котором стоял телефон времен взятия Зимнего дворца. Лепихов подошел к стене, закрытой занавеской из плотной ткани, прикрепленной к алюминиевой трубке с помощью обычных зажимов «крокодил», рывком отдернул ее. К стене был пришпилен кнопками большущий лист ватмана, испещренный квадратиками и стрелками. Поверх листа крупными буквами было написано: «Организованная преступная группировка «Минотавр». В центре схемы в красном квадрате значился главарь: «Константин Васильевич Цыганков (Циклоп)». Чуть ниже более мелкими буквами были написаны его домашний адрес и телефон. Правее красовался квадратик с надписью: «Семен Ефимович Диомидов (Зверь)». Более подробно ознакомиться со схемой Лепихов журналисту не позволил, решительно задернул занавеску, однако Куропяткин успел заметить, что квадратиков с внесенными в них фамилиями было около сотни. Стрелки на схеме, как он догадался, означали подчиненность бандитов или их связи. Сергей, конечно, не раз слышал, что подручные Циклопа – страшная сила и на их счету куча трупов, однако только сейчас убедился, насколько разветвлена и многочисленна эта группировка, напоминающая по своей структуре натуральное воинское подразделение.

Лепихов, довольный произведенным эффектом, вернулся в кабинет. Усевшись за стол, закурил. Он молчал, давая возможность журналисту переварить увиденное. Когда зазвонил телефон, Андрей Виленович, сняв трубку, выслушал собеседника, коротко ответил: «Позже позвони» и вопросительно посмотрел на журналиста.

– У вас наверняка возник вопрос: «Коль милиция так хорошо осведомлена о Циклопе и его подельниках, то почему они до сих пор на свободе?». Вопрос правильный. Проблема в том, что люди в красных квадратиках на схеме пока что недосыгаемы, причем по независящим от нас причинам. Видели, как передвигается стреноженная лошадь? Если не снять с нее путы, то далеко не ускачет. Маленький пример. Взяли мои сотрудники некоего Хавича, полный отморозок между прочим, объявленный в России в розыск. А прокурор санкцию на арест

не дал, вот и пришлось его отпустить. Кстати, Хавич не зря в наш город заглянул, у него давние связи с Циклопом. Вот так и работаем, – мрачно заключил Лепихов.

Пока он жадно курил, Куропяткин размышлял. Напрасно радовался, когда Нина Павловна объявила об этой встрече. Ясно, что разоткровенничался Лепихов не зря, что-то нужно ему от журналиста.

– Вас, наверное, интересует, почему вашего приятеля Зверем зовут, – нарушил молчание Лепихов, стряхнув пепел. – В «Минотавре» функционирует хорошо отлаженная служба безопасности, заведует которой Альберт Адонц. Бывший полковник МВД, между прочим. Сам он руки в крови не пачкает, да ему это и ни к чему. У него под рукой Диомидов, любимый ствол которого – пистолет ТТ. Главным образом потому, что их на военных складах полно, раздобыть новый – раз плюнуть. Да и по кучности стрельбы «Макаров» с ним и рядом не валялся. А Зверь – парень осторожный и засвеченным стволом не пользуется. Тактика у него простая, но верная: завалил выстрелом в голову заказанное лицо, а пистолет сбросил.

– Честно говоря, не понимаю, куда вы клоните. Хотите, чтобы я поближе сошелся с Диомидовым?

– Нанимать вас в соглядатаи, извините за резкость, никто не собирается. Наша проблема – тотальное отсутствие профессионалов в средствах массовой информации. Наша ведомственная газетенка – отрывка прошлого. Лично мне нужен журналист, который бы дружил с мозгами, самостоятельно фильтровал информацию и не подставлял ни милицию, ни газету. Предлагаю такой вариант сотрудничества: вы указываете номер факса, наша пресс-служба сбрасывает вам сообщения под вашу личную ответственность, а далее распоряжаетесь полученной информацией, как вздумается. Если я сочту, что вы нарушили соглашение, не вызывайте, оно автоматически аннулируется.

– А последствия?

– Да никаких, эксклюзивный канал закроемся, только и всего.

– То есть предлагаете играть втемную? Сбросили дезу, а отвечать будут солидарно автор публикации и редакция?

– Я заинтересован в сотрудничестве на долговременной основе. Впрочем, вам решать.

Сергей встал и направился к двери, но что-то его остановило.

– А как бы вы поступили на моем месте? – обернувшись, спросил он с вызовом.

– Я бы от такого предложения не отказался, тем более что второго раза не будет.

В преимуществе нового статуса Куропяткин убедился через несколько дней после встречи с Лепиховым. В лесополосе за городом обнаружили сгоревшие дотла «Жигули», в багажнике которых покоилось три трупа. Официальный текст милицейской пресс-службы оригинальностью не блистал: обычная бандитская разборка. Куропяткин в раздражении смял бумажку и швырнул в мусорную корзину. В этот момент факс, стоявший на автомате, снова пискнул, из его чрева выползло сообщение без подписи: «Как нам удалось выяснить из вызывающих доверие источников, трое погибших (клички Мотыль, Зубан и Ряха) неоднократно упоминались в оперативных сводках в связи с вооруженными нападениями. Вскрытие показало, что жертвы были расстреляны из автоматического оружия калибра семь шестьдесят два миллиметра. Не исключено, что их пытали, о чем свидетельствуют прижизненные травмы на руках и ногах, нанесенные тупым металлическим предметом. По мнению экспертов, убийство произошло примерно за два часа до того, как машину подожгли. Отсутствие в крови убитых алкоголя наводит на мысль, что это не обычная бандитская разборка, а демонстративная ликвидация отработанного материала».

Это был совсем другой коленкор. В такой упаковке информация тянула на эксклюзив. А вечерний блок новостей на «ТВ-Профи», когда Муха с перекосившимся от желчи лицом ссылалась на «Ведомости», едва не вышиб слезу умиления у хозяина газеты, который после увиденного вдвое повысил Сергею зарплату.

Лепихов, вероятно, проникся доверием к Куропяткину. Факс журчал с завидной регулярностью. И надо же – по закону подлости материал о самом начальнике угро вышел с дурацким ляпом! В принципе, ни одна газета не может избежать досадных ошибок и опечаток. Известный закон публикаций Джоунса гласит: «При подготовке номера в него всегда вкрадывается несколько ошибок, которые никто не заметит». Джоунс прав, но горькая правда еще в том, что некоторые опечатки кардинально меняют жизнь авторов статей.

Домой Сергей вернулся удрученный. Когда вошел в квартиру, Марина ошарашила еще одной новостью.

– Тут тебя какой-то Краб домогается. Дважды звонил, хочет с тобой о чем-то переговорить.

– Что за Краб? – удивился Куропяткин.

– Тебе лучше знать, – пожала плечами жена. – Сказал, ты его знаешь. Обещал перезвонить.

Иващенко

Сидя в стареньком скрипучем кресле, расшатанные ножки которого давно бы отвалились, если бы их не перетянули крест-накрест бечевкой, Настя рыдала сладко и самозабвенно, как умеют плакать только маленькие дети и старики. Когда зазвонил телефон, она вздрогнула и непроизвольно откинулась на спину, в результате чего кресло с противным скрежетом рухнуло на пол, увлекая плаксу за собой. Ударившись локтем о паркет, Настя взвизгнула от резкой боли, пронзившей руку, вскочила на ноги, горестно подвывая, побрела в прихожую, где надрывался проклятый телефон.

– Алло, Настюха, это ты? – раздался в трубке возбужденный голос подруги Ольги.

Этот простенький вопрос, на который вчера Настя, вероятно, не обратила бы внимания, ибо Ольга не могла похвастать ни умом, ни смекалкой, настолько обозлил, что она выпалила «Коза драная!» и швырнула трубку на рычаг.

Не успела отойти от аппарата, как тот снова ожил.

– Не поняла, – невозмутимо поинтересовалась Ольга. – Это о ком?

– А ты как думаешь?

– Было бы из-за чего переживать, этот веролом и ноготка твоего не стоит. Таких мужиков как грязи, имя им – легион.

– А ты откуда знаешь, что Олег ушел?

– Здрасьте! – возмутилась Ольга. – Баба Клава разве тебе не звонила?

Прижав трубку к уху, Настя медленно опустилась на пол. Бабу Клаву, жившую в однокомнатной квартире в третьем подъезде, называли Штирлицем потому, что она первой узнавала все горячие новости, потом обзванивала знакомых, щедро делилась добытой информацией.

– Не звонила, – с тихой обреченностью произнесла Настя.

– За нею не заржавеет, – пообещала подруга. – Твой обормот цельный грузовик подогнал вместе с грузчиками. Баба Клава сказывала, что те часа полтора всякий скарб таскали. Всю квартиру, поди, до доньшка выскреб, крохобор?

Настя и сама не могла уразуметь, что ее больше обидело: внезапный съезд мужа с квартиры или хамская экспроприация мебели, включая купленную вскладчину. Он оставил только дурацкое кресло и выдавший виды диван. Однако обсуждать эту тему с подругой Настя не желала: боль была настолько остра и пронзительна, что никаких сил на разговоры не осталось.

– Слушай, а он кухню тоже спер?

– Понятия не имею. Я туда еще не заглядывала.

– Так сходи, – потребовала подруга. – А я пока на линии повисю.

Настя давно смирилась, что Ольга с грацией носорога постоянно вмешивается в ее личную жизнь. Хоть и говорят, что любопытство не порок, но любая дотошность должна иметь границы. Когда же Настя задавала Ольге какой-нибудь каверзный вопрос, та замыкалась, как ракушка, поспешно переводила беседу в другое русло.

Настя проковыляла на кухню и озадачилась: древний обшарпанный гарнитур «Миди», от которого она давно хотела избавиться, никуда не делся, зато прожорливый, как советский военно-промышленный комплекс, холодильник «Донбасс» улетучился. Аппарат сжирал больше электричества, чем производил холода, при этом через каждые полгода ломался. Она давно предлагала мужу поменять его на современную модель, но благоверный напоминал глухаря на токовище: незачем избавляться от старой советской техники, если она работает. Не позарился супруг и на газовую плиту, что, впрочем, неудивительно: агрегат сработали лет через десять после окончания войны, за долгие годы эксплуатации он оброс изрядной коркой ржавчины и жира, которая оказалась не по зубам даже самым лютым чистящим средствам.

Настя присела на стульчик и призадумалась. Первое, чем займется в ближайшее время – поищет приемлемый холодильник. Это даже хорошо, что Олег избавил ее от старья. В Италии народ вообще выкидывает древнюю мебель на улицу. Заодно надо переклеить обои, а то квартира в бомжатник превратилась. «Как был ты дураком, так им и остался, – мысленно обратилась она к теперь уже бывшему супругнику, – вот и мучайся теперь со своим хламом». Вернувшись к трубке, Настя предложила:

– А давай-ка, подруга, подваливай ко мне, только по пути выпивки прикупи – обмоем начало новой жизни.

– Вот это по-нашему, – обрадовалась Ольга. – И никаких соплей. Жди, скоро буду.

Повесив трубку, Настя вернулась на кухню. Ясный пень, Ольга прихватит с собой своего благоверного. Трофим по натуре бирюк, из него каждое слово раскаленным паяльником нужно вытаскивать, но это положительное качество, учитывая нынешние затруднения Насти, с лихвой перекрывается другим, совершенно бесполезным и даже вредным – уж больно пожрать любит. От мысли, что придется переться в расположенный на соседней улице гастроном, настроение спикировало со сверхзвуковой скоростью. И кто ее за язык тянул? Нужны ей эти посиделки, как колготки корове. А с другой стороны, с какой стати она должна ломать голову над провиантом?

– Еще не ушла? – поинтересовалась Настя, набрав номер подруги. – У меня с харчами напряг, проще говоря, хоть шаром покати.

– Да я в этом не сомневалась, – успокоила ее Ольга. – Банку огурцов с собой беру и пельмени. Думаю, с головой хватит. Еще в магазине колбасы вареной прикуплю. Ты же знаешь, Троф, если не полопает, весь вечер дуться будет.

С прошлым нужно прощаться легко. Что толку рвать волосы на голове и кручиниться о том, чего не вернешь? Умом это Настя, конечно, понимала, но внезапное одиночество, обрушившееся на нее в самый неподходящий момент, давило с такой силой, что хотелось сжаться в комочек, отключить рвущиеся наружу воспоминания и забыться в благотворном сне. А еще лучше – уснуть и не проснуться. Настя считала, что на людей, умерших подобным образом, снизошла божья благодать. Легкую смерть господь дарует только избранным – тем, кто такую кончину заслужил если не примерным поведением, то хотя бы страдальчеством. Зла Олегу она не желала, мужики и так не слабо вымирают, если дело и дальше таким макаром пойдет, бабы передерутся из-за уцелевших экземпляров. Да и переехал Олег недалеко, на соседнюю улицу. Все мужики – никудышные конспираторы. Даже непонятно, как из них получают приличные разведчики, каким образом эти носороги умудряются вести двойную игру на секретной службе. У них же интуиции с гулькин нос, не говоря уже о более тонких материях. Когда Олег в первый раз ей изменил, она это по его глазам поняла – бегающим и виноватым, как у нашководившего кота. Виду не подала, решила, что один поход мужика налево еще ничего не значит. Да и к чему истреблять посуду и закатывать истерики, если толку от этого ноль, зато негатив налицо – мужчина уйдет в такое подполье, из которого его никакая армия не вышибет. Житейская мудрость «мужик перебесится, да и вернется в семью» неожиданно дала сбой: новая пассия, похоже, взяла Олега в крутой оборот – объясняя поздние возвращения с работы, он безбожно врал, ссылаясь на дни рождения сослуживцев, юбилеи руководства и прочую муру.

Видела она его пассию – ухоженная и расфуфыренная, денег на себя точно не жалеет. Да и комплекция впечатляющая. Насчет себя Настя не обольщалась – худышка субтильная, а положившая глаз на ее муженька мадам едва влезала в обтягивающие прикиды. Что же тянуло его к этой разлучнице? Еда? Вряд ли. Кажется, вообще не замечал, что лежит в тарелке. Постель? Тут, конечно, могли быть варианты. Мужики любят новенькое, как говорится с пылу

с жару, но испытательный срок давно прошел, а Олег явно взял курс на развод. Все попытки Насти разговорить супруга наталкивались на его упорное молчание – делал вид, будто ничего страшного не происходит. Уход Олега в принципе был предопределен, однако Настя надеялась, что он хотя бы поступит, как настоящий мужчина – объявит о своем решении, потом они мирно поделят совместно нажитое имущество. Можно, конечно, утешиться тем, что благоверный не посягнул на квартиру, она хоть ему и не принадлежала, но он был в ней прописан, при желании мог бы замордовать брошенную жену судебными исками.

Размышления Насти прервал настырный звонок. Только Ольга могла жать на кнопку до тех пор, пока дверь не откроют. Эта манера Настю всегда раздражала, но сейчас она даже обрадовалась: по крайней мере, не придется коротать вечер в одиночестве.

Ольга с порога полезла целоваться, будто они не виделись сто лет. Трофим торчал за ее спиной, нагруженный увесистым рюкзаком. Мельком взглянув на его невозмутимую физиономию, Настя подумала, что вывести верзилу из равновесия может только принудительная голодовка, да и то вряд ли, он даже злиться толком не умеет.

– Ну как ты?

Ольга пытливо взглянула на Анастасию, будто беспокоилась, что та после ухода мужа надумает свести счеты с жизнью.

– Хочу квартиру до ума довести, – весело провозгласила Настя, ощущая себя лошадью, которую взбодрили хлестким ударом кнута.

– Вот и умничка, – обрадовалась Ольга. – Троф, катись на кухню, выгрузи провизию, а мы пока посудачим.

Как только Трофим удалился, Ольга со стремительностью горной козы обежала обе комнаты.

– Надо же, зачистил движимость не хуже пылесоса.

– Нашла о чем жалеть, – отмахнулась Настя.

– С твоей зарплатой, дорогая, новой обстановкой не скоро обзаведешься.

– И что? – обозлилась Настя. – Можно подумать, что барахло – всему голова. Чем его меньше, тем жизнь интересней.

Она вспомнила, как года три назад уговорила мужа заглянуть в новый мебельный салон. Жилось им тогда паршиво. Утешало, что в глубокой яме оказалась не только Украина, но и вся одна шестая часть суши. Карбованец скакал, как белка по дереву, причем исключительно вверх, побивая мировые рекорды. Никакая новая мебель им не светила, но почему бы и не взглянуть хотя бы одним глазком на буржуйские изыски? Олег недовольно хмыкнул, но на экскурсию согласился. Вышли из магазина с таким чувством, будто их прилюдно унизили. Олег с детства дружил с математикой, моментально подсчитал, что для покупки новой кухни ему придется ишачить ровно десять лет.

Разговор подруг не клеился.

– Пойдем на кухню, пока Троф всю колбасу с голодухи не извел. С него станется, – предложила Ольга.

Чем был хорош Трофим, так это хозяйственностью. Когда женщины заявили на кухню, в кастрюле, нагоняя аппетит, варились пельмени, а в объемистой тарелке покоились нарезанные ровными дольками вареная колбаса и лук. Трехлитровая банка с огурцами была открыта, судя по отсутствующему верхнему слою, часть продукции Троф успел продегустировать.

Поднаторевшая в семейных разборках Ольга сразу выяснила причину расторопности мужа: бутылка водки на треть была пуста.

– Как это называется? – возопила Ольга, потрясая посудиною пред супругом. – Ты же обещал вести себя по-людски!

Трофим обиженно сопел, косясь на газовую плиту, где кипящее варево норовило покинуть алюминиевый кратер кастрюли.

Настя потихоньку ретировалась с кухни. Она всегда так поступала, когда Ольга, по ее выражению, начинала чистить ряжу своему молчуну. Удалялась обычно в зал, если разборка происходила в ее собственной квартире, или в совмещенную с унитазом ванную, когда взбешенная хранительница домашнего очага устраивала скандал на дому: в однокомнатной квартире подруги спрятаться было негде. Вообще со стороны эта семейная пара смотрелась забавно: худенькая и устремленная к цели, как остро отточенный карандаш, Ольга при росточке в метр шестьдесят весила сорок пять кило, Трофим, несмотря на внушительные восемь пудов, не выглядел раскормленным боровом. На людях Ольге хватало ума укорачивать свой необузданный нрав, мало кто догадывался, что она вертит муженьком с такой же ловкостью, как собака хвостом. Зато дома она шпыняла Трофима за любую мелкую провинность, могла в гневе стукнуть его каким-нибудь предметом. Настя считала, что виной всему его покладистый характер, другой бы и дня не протянул, находясь рядом с этим гремучим вулканчиком, обильно извергающим ядовитые упреки. Однажды она так и сказала об этом подруге, а та в ответ пожаловалась:

– Иногда мне кажется, со стенкой разговариваю. Как-то раз грохнула его поварешкой по лобешнику. И что ты думаешь? Даже не спросил, за что. Репу почесал и спать завалился.

Войдя в зал, Настя опустила на корточки, осмотрела валявшееся на полу кресло. Проще выбросить на свалку, чем чинить, в доме даже несчастной отвертки не осталось. А что если выломать ножки, да уложить это убогое седалище на пол? И дешево, и сердито. Операция по удалению лишних деталей прошла без сучка и задоринки, две опоры едва держались в основании, их без труда удалось выудить, а оставшиеся Настя выломала, навалившись всем телом. Удовлетворившись результатом, уселась в кресло, вытянула ноги. Не фонтан, конечно, долго не покайфуешь, но зато и падать некуда. Да и вообще, надо определить, какие вещи ей нужны. Была она как-то в гостях у знакомых. Те завалили квартиру мебелью по самый потолок, протискиваешься, будто в лабиринте, сбивая коленки. А много ли человеку надо? Кровать, стол и пару стульев – один для себя, второй – для гостя. Не век же ей одной куковать, на Олеге свет клином не сошелся. Пусть со своей пассивностью старьем пользуется. Книжки, правда, жалко. Ход ее мыслей прервал звон стекла. Выскочив на кухню, Настя недоуменно уставилась на рваную дырку в середине окна. Распластавшийся на полу Трофим, заметив гостью, поднялся, водрузил на место упавшую табуретку и с явным облегчением взгромоздился на нее. Ольга, стоявшая спиной к Насте, оглянулась и смущенно пояснила:

– В голову метила, а он, гад, увернулся.

– Ты бутылкой в него запустила? – удивилась Настя.

– Да и бог с ней, с этой водярой, – отмахнулась Ольга. – Он бы ее все равно выжрал, а за стекла не переживай, завтра с утра вставит.

– Зашибись! – обозлилась Настя. – Предлагаешь с разбитым окном ночевать?

– Да кому ты нужна? – фыркнула Ольга. – Если хочешь, останемся у тебя.

– Мерси. Мы втроем на одном диване не поместимся.

– Чего бесишься? Я не виновата, что он оказался таким шустрим.

– Слушай, тебя в детстве ничем по головке не тюкали?

– Утешила подругу, называется, – оскорбилась Ольга и скомандовала:

– Троф, уходим.

В голове у Насти прокрутилось несколько вариантов ответа: «Катись колбаской», «На твое сочувствие мне начхать» и – самый лучший, по ее мнению, – «Если Трофим когда-нибудь зашибет тебя насмерть, то будет прав».

Ни один из них не понадобился. Когда Ольга с мужем оказались в прихожей, захлебнулся в горестном плаче дверной звонок. Настя заочно возненавидела случайного гостя: сначала муж опустошил до доньшка квартиру, потом лучшая подруга окно вышибла. Еще один «подарочек» ей точно не нужен. В коридоре послышались возмущенные выкрики. Судя по всему, Ольга

устроила очередную разборку, поскольку ее голос явно превалировал. А вот второй вывел Настю из пришибленного состояния. Уж больно знакомый. Прислушавшись, насторожилась – явно Костя.

С соседом, проживающим на ее лестничной площадке в однокомнатной квартире, она познакомилась случайно. Вернувшись домой, обнаружила, что барахлит дверной замок. Такое случалось и раньше, поэтому Настя особенно не расстроилась. Нужно было несколько раз повернуть ключ взад-вперед, после чего раздавался долгожданный щелчок. Но на этот раз фокус не удался. Помятая недобрым словом мужа, который так и не удосужился исправить замок, она топталась возле двери, когда из лифта вышел мужчина и спросил: «Вам помочь?». Долговязый, шупленький, жидковолосый. На вид лет тридцать с гаком. Эдакий неудачник, так и не сумевший обустроить хотя бы собственную жизнь. Еще в чужую лезет. А, собственно, чем она рискует? Пусть попробует.

Сосед, безрезультатно покрутив ключом, зашел в свою квартиру и вернулся с подозрительными железяками замысловатой формы. Вставил сразу две загогулины в скважину, начал колдовать, сосредоточенно прислушиваясь. После нескольких секунд молчаливого сопротивления замок сдался.

– Вы, случайно, не домушник? – с иронией поинтересовалась Настя.

– Почти, – улыбнулся сосед. – Работаю в Доме быта, замки и ключи ремонтирую.

– И что, любую дверь запросто можете открыть?

– Да все замки однотипные, – смутился сосед. – Большого ума не надо. Обращайтесь, если что. Меня Костей зовут.

Он с такой поспешностью скрылся в своей квартире, что Настя даже не успела его поблагодарить. Впрочем, повод для признательности долго искать не пришлось, через неделю замок опять заел. К счастью, Константин оказался дома, ее просьбе открыть дверь, как показалось Насте, не удивился. Прихватил с собой ту же самую отмычку, без труда справился с подлым замком.

– Еще раньше хотел предупредить, он у вас хилый, – пояснил сосед. – Если хотите, почию.

– Конечно, хочу.

Настя и сама не ожидала от себя такой прыти, слова вылетели помимо ее воли. Вот всегда она так, ляпнет сдуру, и только потом мозги включает. Чего доброго, подумает, что к нему клеится. Больно нужно, совсем не в ее вкусе. Да и вообще, что она о нем знает? Что если и вправду в свободное время чужие квартиры обчищает? Хотя вряд ли, слишком застенчивый. Да и потом, если бы захотел, давно бы их ограбил. Ему и ключи без надобности.

Сомнения, видимо, отразились на ее лице, однако сосед истолковал их по-своему.

– Если решили, что лишнюю копейку срубить хочу, ошибаетесь, – обиделся он. – У меня заказов и без вас хватает.

У Насти от возмущения даже дух перехватило. Этот длинномер заподозрил ее в скупердяйстве! Она, конечно, не богачка, но и не настолько бедная, чтобы на халяву замок чинить. Уж лучше новый купит.

– Спасибо, я в ваших услугах не нуждаюсь! – отчеканила Настя, зайдя в квартиру, демонстративно грохнула дверь. Она даже туфли снять не успела, как пробудился звонок. Ну, это уж слишком!

Настя, вероятно, стерла бы соседа в порошок, если бы он начал оправдываться. Но тот, как только распахнулась дверь, извлек из кармана отвертку и принялся деловито выкручивать шурупы из замка. И ведь с какой ловкостью! Можно подумать, что заранее изучил его конструкцию. Опомнилась Настя после того, как ее железный страж оказался в руках соседа.

– Что вы вытворяете? Я милицию позову.

– Валяйте, – хладнокровно согласился Костя и удалился вместе с замком.

С таким беспардонным подвидом мужчин Настя встретилась впервые, с непривычки опешила. Пусть только попробует заикнуться по поводу чая, получит от ворот поворот.

Чаепития не было, Костя принес бутылку красного сухого «Каберне». Угадал. Настя это вино любила, легкая горечь виноградных косточек – это именно то, что надо.

Костя рассказал, то в Союзе дверные замки штамповали без оглядки на взлом, их без труда мог открыть и хозяин собственным ключом, и домушник с помощью отмычки. Расчет строился на то, что пожить у советских граждан особо нечем, а мазуриков милиция легко вычисляла и отправляла валить тайгу. При Союзе такая тактика вполне себя оправдывала, но сегодня, когда народ обнищал и радуется любой поживе, грабежи квартир стали привычным делом. Так что замок лучше заменить.

– Да пусть лезут, – беспечно отмахнулась Настя. – Холодильник не сопрут, деньги в кубышке не храним. Лучше скажите, вам нравится то, чем занимаетесь?

– Будь я пилотом или механиком на судне, вы бы тоже этот вопрос задали?

– Не знаю, – пожала плечами Настя. – Мой отец, например, буровой мастер. Нефть добывает. Работа вахтовая: месяц в поле, столько же дома. Маму этот график устраивает на все сто, даже успевает соскучиться. Думаю, что и ссорятся они очень редко только по той причине, что не успевают надоесть друг другу. При этом когда папа в очередной раз уезжает, мама, проводив его, плачет. Однажды он едва не сгорел вместе с буровой: выброс газа. От вышки только слитки металла остались. Уцелело два человека. Папу отбросило взрывом, он попал в бассейн с раствором, который закачивают в скважину. Вас такой ответ устраивает?

– Зачем вы так? – растерялся Костя.

– Не люблю слабаков! – ожесточенно проговорила Настя. – Почему сейчас только бабы на своих хилых плечах пытаются удержать остатки бывшего благополучия? А мужики либо спиваются, либо помирают от инфарктов и инсультов. Можно подумать, нынешняя беда какая-то экзотическая. Если вспомнить историю, таких напастей было не счесть. И всегда находились настоящие мужики, которые супостатам давали по рогам. А сейчас диву даюсь. Прямо-таки мор нашел на настоящих мужчин. Куда они все подевались?

Костя допил вино, осторожно поставил фужер на стол. Он бы, конечно, мог рассказать правду, но кому это нужно? Во всяком случае, не этой грустной женщине с малахитовыми глазами. С одной стороны она, конечно, права, советское прошлое улетело в тартарары, но и нынешнее настоящее Костю не пугало. Взять, к примеру, бывших батраков умственного труда – инженеров, конструкторов и сотрудников всяческих НИИ. Их тысячами выставляют на улицу, а они пыжатыся, стараясь доказать собственную незаменимость. Костя не понаслышке знал, что в научно-исследовательских институтах, насчитывающих с добрый десяток тысяч человек, максимум пара сотен могла предложить что-то дельное, остальные были балластом, включая всю верхушку. Разве не справедливо, что эти бездельники сегодня катаются в Польшу или в Турцию за шмотьем? Может, это и есть их истинное призвание? А ему куда ездить не надо. Сарафанное радио работает даже среди бандитов. У одного из таких заклинило все четыре дверцы на «мерине», а бить стекла рука не поднялась. Кто-то подсказал, что есть Кулибин местного разлива, любые двери вскроет. Костя до этого автомобильными замками не занимался, но отказать заказчику не посмел. Зря волновался, главное – иметь при себе побольше отмычек. В общем, мерс не пострадал, хозяин остался доволен. С той поры работа в Доме быта превратилась в банальное прикрытие, новые клиенты все чаще совали в карман его рабочего комбинезона американскую валюту. Против такой таксы он не возражал. Но зачем посвящать соседку в детали? Она приглянулась ему еще в момент первой встречи, а то, что задиристая и острая на язык, так это неплохо, ему не нравились постные женщины. А вот муж у нее, скорее всего, бестолочь, коль не может починить элементарный замок. Почему именно вахлакам достаются такие классные бабы?

– Давайте договоримся. Я ведь не только в замках разбираюсь, могу и розетку, и выключатель починить, и краны поменять. Так что обращайтесь. За соседскую дружбу предлагаю и выпить. Помните советский мультик «Просто так»?

Настя хотела сказать, что самые дорогие услуги – те, которые оказывают бесплатно, но в тот раз промолчала.

Выйдя в коридор, Настя увидела тщедушного Костю, которого Трофим держал за грудки.

– Этот хилак, – пояснила Ольга, – пришел тебя защищать. Что с ним делать будем?

– Отпусти, – приказала Настя Трофиму, устало привалившись к стене. – Да и вообще, посиделки закончились. Спасибо, что пришли.

Оставшись наедине с Костей, Настя почувствовала, что никаких сил не осталось. Прошла на кухню, рухнула на табурет, с каким-то садистским наслаждением стала рассматривать дырку в окне, сквозь которую врвался тоскливый ветер, обдавая лицо влажным прохладным дыханием. Рваная рана в стекле гипнотизировала. Нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Только эта дыра в другую реальность. На плечо легла чья-то рука.

– Телефон, – негромко произнес Костя. – Извини, я взял трубку. Какой-то парень утверждает, что ты его хорошо знаешь. Крабом назвался.

Глава вторая

Змеинный сюрприз

Они сидели в затрапезном кафе, расположенном в селе Перевальное возле трассы Симферополь-Ялта, пили никудышное пиво. На губах у ребят пузырилась пена, а неприятный привкус наводил на мысль, что в напиток для крепости добавили стиральный порошок. Настя не исключала, что так оно и есть. Она вообще не понимала, зачем создали спиртные напитки, включая пиво. На вкус – гадость, да к тому же сокращают жизнь со страшной силой. Их четверка, которую когда-то в шутку называли «трое длинных и малявка», после многолетней паузы собралась в прежнем составе.

Искоса разглядывая собеседников, поневоле сравнивала их с теми ребятами, с которыми много лет назад рассталась в симферопольском парке. Насчет себя иллюзий не питала. Швецов, узрев ее после многолетней разлуки, настолько растерялся, что промычал нечто невразумительное, дескать, так рад, что слов не хватает. Такое обычно случается, когда, расставшись с человеком, которым восхищался, встречаешь его жалкое подобие. Вроде бы особых внешних изменений не произошло, но и лицо, и улыбка, и повадки переменялись. Разумеется, старый образ, отпечатавшийся в душе, подобно изображению на фотобумаге, зачастую не совпадает с новым. Если разница велика, поневоле возникает мысль, что такие встречи несут разрушительный заряд: кричащее противоречие между прошлым и настоящим. Сколько ни говори, что в одну и ту же реку нельзя войти дважды, изречение остается пустым словосочетанием, лишенным какого-либо содержания, наполняется глубинным смыслом, когда встречаются люди, когда-то спаянные одним делом, но разлученные не по своей воле.

В отличие от Швецова, который, судя по его скорбной физиономии, был ошеломлен, увидев нынешнюю Настю, она постаралась скрыть свое разочарование. От прежнего командора осталась одна оболочка. Русоволосый крепыш с демонстративно выпирающими бицепсами выглядел как пилот, у которого отобрали штурвал.

Кригер хоть и разъялся на немецких харчах, но остался подвижным и деятельным, как и раньше. Глаза, правда, почему-то бегающие. Так и скачут. Раньше за Крабом такого не замечалось. С чего бы это? Настораживал и легкий оттенок брезгливости на его лице. Может, после бургерского пива отечественное претит, что вполне понятно, не исключено, что интоксикация началась после того, как разглядел нынешний Крым.

Порадовал Куропяткин. Прямо-таки наглядное свидетельство того, что зрелость избирательна – в первую очередь своей печатью старается отметить тех, кто легко подвержен злобе, зависти и корысти, но держится подальше от людей, воспринимающих действительность, как цирковое представление, не требующее напряжения души. Судя по всему, Дока надолго застрял в восемнадцатилетнем возрасте. Даже завидки берут. Когда-то она купилась на эти голубые глаза. А Куропяткин даже внимания на нее не обратил.

И все же до чего приятно вновь встретиться с пацанами. Настя едва не расплакалась от радости, когда эти матерые спелеологи начали наперебой зубоскалить, вспоминая, как она, впервые оказавшись в Красной пещере, нахлебалась воды при прохождении первого сифона и едва не утонула. Эти больные на всю голову обормоты (Настя настаивала именно на таком определении) даже не удосужились объяснить, что после облачения в гидрокостюм его непременно нужно обжать, чтобы вытравить лишний воздух.

Она хохотала вместе с этими оболтусами, вспоминая, как, попытавшись нырнуть глубже, чтобы не зацепиться головой о каменный свод, моментально перевернулась вниз головой, пре-

вратившись в дурацкий поплавок. Настя судорожно загребала руками воду, но раздувшиеся штанины не давали ни единого шанса.

– Вы козлы! – провозгласила Настя.

– Токи, – укоризненно проговорил Краб. – Ты же помнишь, я спрашивал, ныряла ли ты раньше в гидре. Ты сказала, что да.

– Нашел дуру. Вы бы ушли без меня. Разве не так?

– Проехали, – подвел итог Швецов, хлопнув внушительной пятерней по столу. – Если я правильно понял, на Караби нас ждет дырка, по сравнению с которой отдыхает даже Нижний Баир.

– Я этого не утверждал, – возразил Краб. – Другое дело, что есть все основания так считать.

– Я не страдаю болезнью Альцгеймера, – обозлился Швецов. – Ты сказал: «Старик, есть потрясающая дырка». И пусть меня поправят Дока и Токи, которым ты наверняка наплел нечто подобное. В противном случае они бы сейчас не сидели за этим столом.

– Что за наезд? – обиделся Краб. – В моем лексиконе нет такого слова, как «потрясный».

– Офигительный, сногшибательный, обалденный, – ворчливо возразил Куропяткин. – Какая разница? Не съезжай с темы. На тебя это не похоже.

– Ну, хорошо, – Краб примирительно поднял вверх обе руки. – По моим сведениям, пещера, по меньшей мере, не хуже Нижнего Баира. Если вас такой ответ устраивает, давайте перейдем к частностям.

– Лично меня они больше всего интересуют, – хмыкнула Настя. – Как получилось, что ты, сидя в теплой немецкой квартирке, первым узнал о пещере, в которой, судя по твоим словам, побывал только один человек – малохольный Кардинал?

У Насти были все основания относиться подозрительно к алуштинцу Сергею Кардиналову, свихнувшемуся на пещерах. Работал он в коммунальной котельной по удобному графику: сутки отдежурил, трое дома. Жил с родней в частном доме, ни разу не был женат. Длинношей, тощий, с большущими глазами обиженного жирафа, был скрытен и немногословен, пропадал в горах и зимой, и летом. В первопроходцы не рвался, поскольку все его подземные изыскания из-за скудного снаряжения (древняя десятиметровая веревочная лестница, доставшаяся от экспедиции шестидесятых годов, да обычная коногонка) сводились к посещениям легкодоступных подземных полостей. Сам никогда не лез на рожон и давал задний ход, если очередной шкурник или колодец оказывались не по зубам. Зато непостижимым образом одним из первых узнавал об открытии новых пещер, входы в которые иногда показывал заезжим туристам. За это его и третировали не только крымские спелеологи, но и сотрудники симферопольской контрольно-спасательной службы. Дикари, дорвавшись до красивейших залов, нещадно их обдирали, превращая в помойники. Каэсэсники давно точили зубы на Кардинала, но поймать его в горах, чтобы начисто отбить охоту к изучению карста, не удавалось.

Настя считала, что Кардиналу самое место в дурдоме. Первая встреча с ним запомнилась ей надолго. На дворе стоял апрель, но в горах, когда солнце пряталось за тучи, пронизывающая сырость вкупе с северным сердитым ветром пробирали до костей. Шла она однажды по плато Ай-Петри в теплой куртке и в комбезе, под который надела собственноручно связанный свитер из ангорки. Вдруг из котловины вынырнул длинный парень с голым торсом в синих трениках с обвисшими коленями. Видавший виды брезентовый рюкзак наводил на мысль, что его обладатель не маньяк, а имеет какое-то отношение к туризму. Настя изрядно перетрусилась. От лагеря она удалилась на полкилометра, вопи во все горло – никто не услышит. Незнакомец передвигался скачками, да так быстро, что уже через минуту оказался возле нее.

– Здесь карст не прослушивается. Полная тишина. Сечешь?

Незнакомец заговорщицки подмигнул, подозрительно оглянулся по сторонам, будто проверял, не подслушивают ли его.

– Ага, – прошептала Настя и тоже огляделась, но уже по другой причине: надеялась увидеть в обозримой близости хотя бы одного человека. Таковых, увы, не наблюдалось.

– Вам нельзя здесь оставаться, – безапелляционно заявил парень. – Идите к своим. Прямо сейчас.

– Угу, – кивнула девушка.

От страха у нее отнялись ноги. От парня исходил резкий запах пота, над ним курился пар, будто он только что выскочил из бани. Наклонившись, незнакомец прошептал ей на ухо: «Кригер вас погубит. Только не говорите никому. Это секрет».

Он сорвался с места и прыжками, как диковинное животное, поскакал дальше. Как только этот чудной субъект скрылся за ближайшим пригорком, Настя со всех ног рванула в лагерь. Влетела, проломившись через густой кустарник. Над костром на треноге мирно висел котелок, от которого исходил вкусный запах картошки и говяжьей тушенки. Возле него хлопотал Швецов, который в этот день был дежурным. Поскользнувшись на влажной от росы траве, Настя наверняка опрокинула бы котелок, если бы Роман не успел ее подхватить. Потирая ушибленный бок, он с удивлением посмотрел на девушку, лицо которой было перекошено от страха, а на щеке алела царапина. Из палатки на шум выползли Краб и Куропяткин. Физиономии обоих были сонными и изрядно помятыми. Они переводили осоловевшие взгляды с Насти на Швецова, ожидая дальнейших объяснений. Настя судорожно хватала ртом воздух и никак не могла отдышаться. Швецов усадил ее на бревно, успокаивающе потрепав по плечу, направился к своему рюкзаку, в боковом кармане которого хранилась аптечка. Перекиси в ней не нашлось, пришлось довольствоваться зеленкой. Действие антисептика оказалось благотворным: как только Швецов приложил вату к ранке на щеке, Настя дернулась и гневно выпалила:

– Дрыхните, барбосы?

Парни недоуменно переглянулись. Они искренне не понимали, в чем их вина. Настя любила вставать ни свет ни заря и в одиночестве гулять по окрестностям. Никто не возражал, поскольку никакой опасности такие прогулки не представляли. Даже когда она уходила далеко от лагеря и могла накрутить вокруг него пару километров.

– С кабаном, что ли тропу не поделила? – хмуро осведомился Краб.

Дикие свиньи на Ай-Петри действительно водились.

– Сам ты кабан! – обозлилась Настя. – Там какой-то голый псих с рюкзаком шастает.

– Ну, ты даешь! – расхохотался Краб. – Это же Кардинал. Карстовый волк алуштинского разлива. Шарик за ролик у него другой раз действительно заскакивают, но вообще субъект безобидный. Ходят слухи, что у него потрясающий нюх на пустоты. Это он только с виду придурковатый, если его разговорить, много чего интересного может рассказать. Он ведь пещерами заинтересовался еще в школе. Компас ему ни к чему, за десяток лет так насобачился, что может передвигаться по любому крымскому плато с завязанными глазами. Пару лет назад я на Караби блуканул. Такая «обезьяна» навалилась, что протянутой руки не было видно. Пацаны тогда возле пещеры Крубера стояли, но попробуй их отыскать в таком тумане. Стою и размышляю, что делать. Самое время залезть в спальник, укрыться полиэтиленом и ждать милости от природы. В этот момент кто-то за рукав ветровки дернул. Не поверите, двадцатикилограммовый рюкзак пушинкой показался. От того места, где стоял, метра на четыре отпрыгнул. Верчу башкой по сторонам, ничего не вижу. Может, за куст зацепился, думаю. И тут из мглистого облака выдвинулось человекоподобное существо и спросило с хрипотцой в голосе: «Заблудился?» – «А тебе, какая печаль?» – обозлился я. – «Да мне пополам. Тебя не смущает, что десятиметровый колодец в двух шагах за твоей спиной?». Так и познакомился с Кардиналом. Он вывел меня к лагерю. Между прочим, Настюха, ты зря за свою честь опасалась, у него интересное мнение насчет женщин. Считает, что они умножают зло. Когда мы научимся обходиться без них, на земле установится благоденствие. Так то.

После этого случая Настя вылавливала любые известия о Кардинале. Зачем ей это было нужно, не понимала. Лоб в лоб с ним больше ни разу не сталкивалась, да и, честно говоря, не стремилась к этому. Как-то их четверка вышла к лагерю севастопольских спелеологов, которые собирались штурмовать самую глубокую пещеру Караби – шахту Солдатскую. Это было чисто спортивное прохождение, поскольку никакими красотами дырка не блистала. В группе было трое новичков, не нюхавших пороха больших глубин, Солдатская для их обкатки вполне годилась. Пока парни травили анекдоты и пили чай, она отвела в сторону Чорика. Спросила, что он думает о Кардинале.

– Дался тебе этот хмырь болотный, – удивился Чорик и выразительно покрутил пальцем у виска. – Он же больной на всю голову, неужто влюбилась?

Заметив, как полыхнули недобрым огоньком глаза собеседницы, Чорик посерьезнел.

– Да шучу я. Не знаю, зачем тебе это нужно, но слышал, что сбрендил он еще в восьмом классе, после исчезновения отца, который тогда работал на здешней метеостанции. Родитель пошел по грибы и как сквозь землю провалился. Метеорологи сначала сами искали его двое суток, а потом сообщили по радию в Симферополь, в центр гидрометеорологии. Приехали каэсесники, спелики из клуба «Бездна», альпики и горники, даже солдат привлекли из расположенной неподалеку воинской части. Прочесали плато вдоль и поперек, обследовали все известные на то время пещеры, даже южные обрывы Кара-Тау облазили, хотя метеорологу там было делать нечего. Все впустую. Поиски свернули, а отца Кардинала объявили пропавшим без вести. В общем, сгинул.

– О нем до сих пор ничего не известно?

– Во всяком случае, Кардинал его до сих пор ищет.

– Он тебе сам об этом сказал?

– О том, что случилось с его папашей, Кардинала лучше не спрашивать, такую ахинею начинает нести, уши вянут. Оказывается, кроме нашего телесного мира параллельно существует еще один, населенный бестелесными разумными созданиями. Не помню, как он их называл, что-то вроде наблюдателей или надзирателей. Солнечный свет им противопоказан, не та волновая структура. Сквозь любые породы они передвигаются свободно, но комфортно им лишь там, где много открытого пространства и не надо бесполезно растрчивать энергию. Вот они и облюбовали Караби, у них здесь база. Недаром же «Караби» с крымскотатарского переводится как «черный паук». Его папу они якобы выкрали. Правда, не понимаю, зачем им сдался обычный технарь. Но это так, к слову. Согласно теории Кардинала, с отцом он может встретиться только после захода солнца.

– Он действительно больной?

– Насть, откуда я знаю? Кстати, до пятого класса мы учились в одной школе в Севастополе. Только я в «А» классе, а он в «Б». Потом с родителями переехал в Алушту. Обычный пацан, я его даже не запомнил. В какой-то мере его можно понять. Если бы, не дай Бог, такое случилось с моим отцом, дневал бы и ночевал на плато. Разбил бы его на квадраты, не оставил бы без внимания ни одну воронку. Сама подумай, не может человек бесследно исчезнуть там, где туристы шляются толпами с весны до поздней осени. Рано или поздно, останки отца Кардинала непременно обнаружили. А если до сих пор его тело не нашли, значит, провалился в какую-то карстовую полость. Вариантов много. Например, набрел на небольшую щель, протиснулся в нее и застрял. Между прочим, самый реальный сценарий. Отсюда и заскоки Кардинала. Фраза «провалился сквозь землю» абстрактна до тех пор, пока речь идет о чужих людях. Но все кардинально меняется, когда бесследно пропадает родной человек.

В глубине души Настя понимала, чем вызван ее пристальный интерес к дикому спелеологу, никак не могла простить себе тот животный страх, который испытала при первой встрече. Да и слова о Кригере, которые старалась забыть, вспоминались с завидной регулярностью.

– Может, я чего-то не понимаю, – недоуменно произнес Швецов, обращаясь к Кригеру, – как ты вообще узнал о существовании этой пещеры?

– С Кардиналом связи не терял. Его тетка замужем за немцем. Обменивались письмами. Полгода назад он написал, что нашел обалденную пещеру, боится, что если дикари прознают о ней, обчистят как липку. Написал, как ее найти, попросил забетонировать вход.

– Краб, ты не договариваешь, – усмехнулся Швецов. – Давно тебя знаю. Стал бы ты срываться из своего добропорядочного Клоппенбурга ради какой-то пещеры, какой бы красавицей она ни была. Темнишь, приятель.

– Я не в восторге, что пришлось за бугор слинять, – обиделся Краб. – Не случись драки с московскими отморозками, сегодня спокойно жил бы в Крыму.

– Крепко тебя эта потасовка зацепила, – пожал плечами Швецов. – Только ты забыл, что и я, и Дока тоже в ней поучаствовали. Кто же знал, что папаша одного из этих страдальцев – важная шишка.

– Когда дал деру в Германию, попал в лагерь переселенцев «Фридланд», расположенный в Нижней Саксонии, – Краб брезгливо дунул на пену в бокале, нехотя отпив глоток, продолжил. – Пока фрицы проверяли меня на вшивость, познакомился со своим сверстником, приехавшим из Омской области. Он меня и просветил. Оказалось, что мы попали к шапочному разбору. Надо было вострить лыжи в начале перестройки. Фрицы тогда носились с бывшими советскими немцами, как с писаной торбой. Не поверите, даже квартиры выдавали бесплатно, как в старые советские времена. Еще и на курсы немецкого языка отправляли. Я сейчас мебель таскаю, но дело не в этом. Алик увлекся буддизмом, пытался и меня к нему приохотить, но я его слушал в пол-уха, спрашивая себя, какого рожна приперся в Германию, если кроме фамилии меня с этой страной ничего не связывает. А зацепил он меня тем, что начал цитировать Махатму Ганди. Откуда все зло в мире? От гадких мыслей! Сначала они бродят в мозгу, а выхода за пределы черепной коробки не имеют. Но однажды человек срывается с катушек, начинает изливаться из себя яд. Постепенно он к этому делу настолько привыкает, что каждый раз, когда приходится выбирать, защитит ли, к примеру, девушку от наезда отморозков или пройти мимо, останавливается на втором варианте. В итоге сам выбирает свою судьбу.

– Молодец, Кригер, такую философию развел, что сейчас расплачусь, – желчно заметил Куропяткин. – Может, нам тебе еще и памятник поставить за то, что в скитальцы подался?

– погоди, Дока, – остановил его Швецов. – Чего в бутылку лезешь? Краб хочет сказать, что мысли иногда материализуются. Я с ним согласен. Достал меня один бандюган по прозвищу Гвинея. Представьте, вломилось в офис тело, как говорится, шире, чем выше, с лысой башкой и черной бородой, свисающей до пуза, с ручками гномика, и начало наезжать. До того хотелось раскрошить ему череп, что руки судорогой сводило. В деталях представил огненный смерч, превращающий его в пепел. И что думаете? Недели не прошло, как от Гвинея не осталось ничего – машина вместе с ним разлетелась на мелкие части.

– Изотерическая лабуда. Твоего Гвинея просто заказали, – отрезал Куропяткин. – Можешь мне поверить, я сижу в газете на этой теме, таких историй могу рассказать воз и маленькую тележку. И вообще, давайте вернемся к тому, ради чего собрались. Меня интересуют технические детали. С железом, которое мы оставили на Караби, ничего не случилось, но если ты, Краб, рассчитываешь на веревки, то учти, они пролежали в схроне почти семь лет. Я пас. Улетать с криком «мама» не собираюсь.

– На старый капрон и не рассчитывал, – обиделся Краб. – Веревки новые. Две двадчатки и стометровка, плюс пятидесятка. Еще пять репшнуров по десять метров. Думаю, хватит.

– И где они? Что-то я их не вижу, – удивился Швецов.

– На метеостанции. Там же, где и мой рюкзак. Ты не обратил внимания, что я без снаряги. Постарел что ли? Сюда я через Москву летел, поэтому в Симферополе нанял мужика с «козликом», тот и отвез меня на Караби через Зеленогорск.

С трудом проглотив очередную порцию пойла под названием «пиво», Швецов засомневался, не сваял ли дурака, приехав в Крым. Звонок Краба пришелся как нельзя кстати. Бомбу под «Форд» подложили явно в расчете на то, что ее найдут. Это было предупреждение. Слить за границу, как это сделал Кригер, Швецову не светит, уж больно много оборотных денежек крутится в деле, изъять их быстро не получится. За это время его могут раздавить, как клопа.

Швецов окинул тяжелым взглядом собеседников. Наверняка считают его самым успешным в их группе. Что толку рассказывать о специфике торгового бизнеса, построенного на откатах? Скажут, мол, пилить бабло – не ящики грузить, в общем-то, будут правы. Он вспомнил, как Настя оказалась в их группе, и грустно улыбнулся. Это было так давно, столько событий промелькнуло с той поры, что если бы он имел возможность снять их на киноленту, получился бы полноценный остросюжетный фильм. Он и не предполагал, что эта очаровательная малышка, от горшка три вершка, цементирует их группу в единое целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.